

О первых научных экспедициях в Африку и Америку, встрече с папуасами, забастовке против политики СССР и доносах

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1495>

22 ноября 2012

Собеседник

Лубны-Герцык Елена Александровна

Ведущий

Споров Дмитрий Борисович

Дата записи

Беседа записана 22 ноября 2012 и опубликована 22 сентября 2016.

Введение

Третья беседа с биологом Еленой Лубны-Герцык посвящена океаническим научным экспедициям, в которых она участвовала на кораблях «Витязь», «Академик Курчатов» и «Дмитрий Менделеев». Она рассказывает о техническом оснащении кораблей, плохо приспособленных для исследований, о проблемах в отношении с коллегами и жестком контроле со стороны властей во время зарубежных поездок. Елена Лубны-Герцык вспоминает яркие моменты экспедиций: как нашли на корабле папуасов, желающих отправиться в Советский союз, как неожиданно смогли общаться с коллегами-американцами и даже вместе обедать, и как неприветливо — проверками и пикетами — их встретили в порту Майами.

Дмитрий Борисович Споров: Елена Александровна, интересно было бы сегодня услышать от вас рассказ о научной и экспедиционной деятельности. Давайте мы начнем с первой поездки, первой экспедиции. Расскажите, с чем она была связана, почему получилась, как вы туда попали.

Елена Александровна Лубни-Герцык: Я благодарна вам за ваш интерес и сразу хочу сказать, что я счастливый человек.

Я чувствую себя счастливой, потому что счастлив человек бывает особенно тогда, когда занят любимым делом и это любимое дело является его интересом и заработком.

Благодарю случай, потому что в Институт океанологии Академии наук, в котором проработала около сорока лет, я попала случайно.

Д.С.: Сразу после университета?

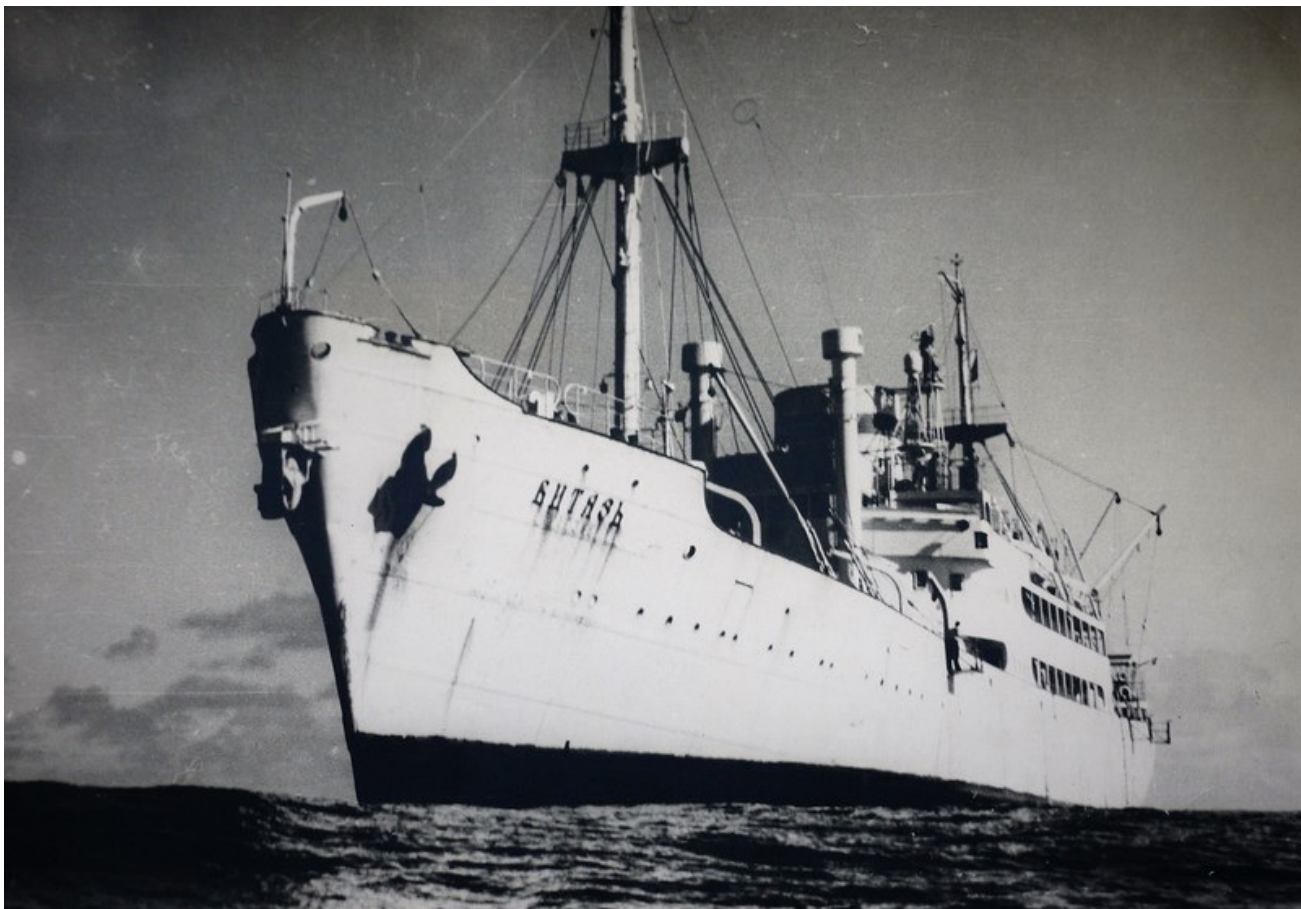
Е.Л.-Г.: Нет, не сразу. Я окончила университет в 1944 году, и должны были меня оставить в аспирантуре (хотел руководитель), но получилось так, что было только место лаборанта. Я стала лаборантом. В 1946 году у меня родился ребенок, через три года декрет кончился — и я оказалась безработной. И вот здесь случай, которому я придаю большое значение. У меня неоднократно потом в течение жизни бывали такие моменты. Мне сказали, что организуется Институт океанологии. Это связано было с тем, что экспедиция Папанина* благополучно завершилась, появились средства — и был организован Институт океанологии. Директором был назначен Ширшов**, и можно было, по рекомендации моего руководства из университета, стать научным сотрудником Института океанологии. Институт рос, вместе с ним росла и я. Появились корабли.

* Иван Дмитриевич Папанин (1894 — 1986) — доктор географических наук, исследователь Арктики контр-адмирал, дважды Герой Советского Союза.

** Петр Петрович Ширшов (1905—1953) — доктор географических наук, гидробиолог и полярный исследователь, профессор, один из организаторов и первый директор Института океанологии АН СССР.

Д.С.: Вы ведь занимались уже к тому времени планктоном, да? Вы планктонологом уже были или нет?

Е.Л.-Г.: Нет. У меня была профессия — морские беспозвоночные: была уже кафедра, были ученые. И у нас появились лаборатории: лаборатория планктона, лаборатория геологическая, лаборатория химическая. Институт рос, и очень успешно складывалась его судьба. Получили мы немецкий корабль «Витязь» — прекрасный корабль для морских путешествий. Он считался «сухофруктом», то есть у него были хорошие сухие трюма и хорошие палубы. Корабль был приписан к Калининграду, и нужно было совершить путешествие до Владивостока, потому что в Калининграде еще была слабая организация океанологическая, а на Дальнем Востоке у нас был порт большой. Нужно было переправить корабль на Дальний Восток.

Корабль «Витязь».

Первая экспедиция была из Калининграда до Владивостока, через Средиземное море, Индийский океан... Это не научная была экспедиция. Это была экспедиция исключительно для того, чтобы перевести корабль и приписать его к Дальневосточному району. Мы должны были из Москвы доехать до Владивостока. Время было трудное, 1953 год. Ездили мы поездом, девять суток. Ученые были все молодые, энтузиасты, очень рвались в море, и такая возможность нам представилась.

Первая экспедиция

Первая экспедиция, в которой мне посчастливилось быть, была в Охотское море. Мы доходили до Магадана, то есть пересекали море, заходили в Петропавловск-Камчатский. Потом была экспедиция в Берингово море. Но вот настал 1958 год: открыли возможность плавать в международных водах, нам можно было уже выйти в Тихий океан.

Д.С.: А научные задачи ставились схожие для экспедиций в Охотское, Берингово — и в международных водах?

Е.Л.-Г.: Нет.

Д.С.: Сравните, пожалуйста.

Е.Л.-Г.: Это были исключительно внутренние [экспедиции], но у нас был очень хороший научный состав. У нас в первой же экспедиции был замечательный ученый *Зенкевич Лев Александрович**, который

возглавлял экспедицию в Петропавловске-Камчатском. Потом у нас был замечательный ученый доктор наук Безруков** — в институте была плеяда ученых. В самом начале формирования института, когда еще были только десятки человек, они оказались очень заинтересованными и интересными людьми. Поэтому сразу же начались публикации. Первые мои публикации начались с того, что я описала планктон Охотского, а также Берингова моря. Таким образом, Курилы, они тоже входили в наш интерес.

* Лев Александрович Зенкевич (1889—1970) — доктор биологических наук, океанолог, зоолог и гидробиолог, создатель отечественной биологической океанологии, заведующий лабораторией бентоса Института океанологии имени П.П. Ширшова, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных МГУ им. М.В. Ломоносова.

** Пантелеймон Леонидович Безруков (1909—1981) — геолог, заведующий отделом геологии океана в Институте океанологии имени П.П. Ширшова АН СССР, исследователь в области морской геологии и литологии. Открыл Каратауский фосфоритоносный бассейн.

Мы высаживались на Курильских островах, и нас поразило, что там была только военная часть. Там не было населения, не было никаких поселков.

Гражданское население — мы его не чувствовали. Знали только, что там очень много черно-бурых лис. Как ни странно, такой факт мне запомнился. Японцы, когда-то владевшие островами, решили, что там выгодно разводить мышей, а потом на этих мышах будут расти лисы. Таким образом, получали они такую...

Д.С.: Цепочку.

Е.Л.-Г.: Да. Может быть, и не стоит на этом останавливаться, но впечатление было такое, что острова необитаемы. Там были военные части. Должна сказать, что в то время еще китобойный флот был у нас. Китов тоже привозили к островам, а потом их обрабатывали. Это я тоже помню: было очень грустно смотреть на бедных погибших, огромных животных. Сейчас уже таких, кажется, в океане не встречается. А я это помню.

Д.С.: Потому что всех выловили?

Е.Л.-Г.: Да.

Начало зарубежных экспедиций

Д.С.: Первая заграничная поездка: 1958 год. Расскажите о начале экспедиции. Как она получилась?

Е.Л.-Г.: Самое главное — надо было готовиться к серьезным путешествиям в океан. Соответственно, пересматривались планы, маршруты, интересы и состав. Это было очень важно. Первая экспедиция в Тихий океан на корабле «Витязь» произошла в 1958 году. Мы должны были пересечь океан от Владивостока до Сан-Франциско. Была возможность остановиться на Гавайях, встретиться с учеными. В Гонолулу очень хороший большой университет. Там были ученые, нас туда пригласили, и мы имели возможность узнать об их планах и рассказать приблизительно о том, что нас интересует. Больше всего было разговоров о биологии моря и о геологии моря. Экспедиция прошла с большим интересом. Встречали нас, особенно на американском берегу, в Сан-Франциско. Мы там делали доклады, выступления и были очень довольны. Есть у меня фотографии, какие большие очереди были, чтобы посетить наш корабль — первый советский корабль, который прибыл в Америку. Мы издавали уже монографии, статьи и имели хороший контакт с американцами. Это было благополучное время.

Второй рейс корабля «Витязь» за границу. Гонолулу, 1959. Е.Лубны-Герцык справа.

Д.С.: А скажите, какие научные достижения удалось сделать за эту экспедицию? Что нового в океанологию привнесли?

Е.Л.-Г.: Я могу сказать прежде всего про свои работы. Планктон — это значительный слой океана. Если говорить более конкретно, планктон — это не животное, это слой воды, верхний. В разных местах океана он разный, это может быть тридцать метров, может быть пятьдесят метров, может быть десять метров, — все зависит от рельефа, от близости берегов и многих-многих других причин. Это целый слой, в котором живут животные, некрупные, поскольку они сильно подвержены влиянию ветра, течения. Это крабы, медузы... Крабов меньше, конечно, медузы в основном, и личинки разных рыб, а кроме того, целые огромные отряды планктонных рачков, копеподы. Этими копеподами как раз я занималась.

” Копеподы — интересные животные, я считаю, хотя они не достигают и миллиметра в размере — мелкие, но есть несколько крупных. Это животные, которых переносит течение, у них нет активных органов передвижения.

Они совершают миграции вертикальные, например суточные, то есть как-то передвигаются. У них есть эти органы, но в основном они связаны с определенным течением. И благодаря тому, что они живут

в течении, течение переносит их с места на место. У меня была работа, которая называлась «Индикаторы течений», потому что вдруг оказывалось, что в районе Тихого океана, в поверхностных слоях, есть животные, которые присущи Охотскому морю — их выносило течение. Это очень интересное явление, чем занималась я и многие другие сотрудники. Дальше идет слой нектон — это тот, где активно передвигаются рыбы, он заслуживает особого изучения, требует соответствующих людей, которые знают обо всех миграциях и прочих особенностях.

Дальше идет третий слой океана, который называется бентос. Значит, планктон, нектон, бентос. Бентос — это тот слой океана, который связан с дном, то есть животные, которые каким-то образом связаны с дном, они живут в глубинных слоях. Океан очень сложный по своей структуре. Это требует особого знания, особого подхода. Есть много специалистов, которые занимаются именно бентосом. В Институте океанологии потом сформировались планктонные лаборатории, бентосные лаборатории и рыбы. Ихтиологи были популярны, это очень крупные ученые, академик Парин* возглавлял эту группу. Все они стремились попадать в экспедиции, потому что ничего нет лучше, как руками, глазами почувствовать среду, которой вы занимаетесь. Это, конечно, счастье. Нам выпало такое счастье.

* Николай Васильевич Парин (1932—2012) — доктор биологических наук, ихтиолог, профессор, заведующий лабораторией океанической ихтиофауны Института океанологии РАН.

Д.С.: А подготовка к самой экспедиции, отбор кадров, как он происходил?

Е.Л.-Г.: Обычно...

Д.С.: Раз это первая международная экспедиция на корабле.

Е.Л.-Г.: Почему вы говорите международная?

Д.С.: Не международная, заграничная.

Е.Л.-Г.: Это была советская власть, Советский Союз. У нас иностранных ученых не было.

Д.С.: Я неправильно сформулировал, да.

Е.Л.-Г.: Мы имели с ними контакты только по статьям, обмен был. Встречи были очень ограничены. Мы знали, чем они занимаются, какие у них достижения, а они знали, какие у нас достижения. Наши маршруты были объявлены заранее, поэтому нас встречали те люди, которые интересовались [этой] работой, кроме, конечно, простых граждан, которых люди из советской страны тоже очень интересовали. Впечатление было сильное, и обмен публикациями был активным.

Это был золотой век, мы считаем, океанологии. В течение некоторого времени, удалось нашему правительству выделить такие деньги, что были построены новые научно-исследовательские корабли.

Д.С.: Это папанинская заслуга?

Е.Л.-Г.: Это заслуга в основном Папанина.

Д.С.: И Ширшова, да?

Е.Л.-Г.: Да-да. Во главе института стоял Ширшов в науке, а хозяйственной частью ведал Папанин. Ему были выделены большие деньги благодаря успешной экспедиции на льдине. И эти деньги были использованы для того, чтобы у института были еще корабли, потому что «Витязь» — корабль немолодой, с ограниченной возможностью, и надо было, чтобы с современной техникой был корабль. У нас на «Витязе» не было никаких кондиционеров, мы задыхались в каютах, и все обычно на палубе располагались. Не было у нас счетных машин, только маленькие счетные машинки. Не было тогда такой техники.

«Витязь», имея хорошие судовые качества, не был оснащен современной техникой. Надо было иметь хорошие корабли, и такие корабли были заказаны и построены очень быстро в Финляндии. Мы получили два корабля, «Дмитрий Менделеев» и «Курчатов». Наши возможности плавать по океану увеличились,

институт стал уже плавать по всем странам, вплоть до Новой Зеландии в Тихом океане, до Бразилии в Атлантическом океане. Тихий, Атлантический. И меньше плавали на севере. На север мы не плавали, здесь были другие корабли. А мы вот вышли в открытый океан. Мы смогли составлять такие планы, чтобы охватывать наиболее малоизвестные места. В частности, Соломоновы острова.

Соломоновы острова. Порт Рабаул, 1957.

После Миклухо-Маклая, известного исследователя, наше прибытие на эти острова было первым. Поэтому встречи были тоже очень знаменательные с населением. Многие не понимали, каким образом мы оказывались там. Например, мы посетили порт Рабаул и обратили внимание на то, что у пирса были туземцы, папуасы, в наручниках. Белая колония английская, которая владела этими местами, они ограничивали перемещение папуасов. Знак черной руки был у всех зданий, которые принадлежали белым, — [означал] ограничение.

Второе наше пребывание в том же Рабауле уже имело другой вид. Но был интересный факт. Какая бы охрана ни была, если кто-то хочет нарушить эту охрану, он всегда найдет возможность. Было известно, что на корабль папуасов не приглашали.

Когда мы уже отошли от пирса и расстались с городом, выяснилось, что у нас в трюме два папуаса. Два человека, которые каким-то образом, несмотря на все гонения, несмотря на все преследования и ограничения, знали, что существует страна СССР, где есть внимание к бедным людям, и решили бежать.

Когда их обнаружили, оставалось только сообщить по радио в порт Рабаул, который мы только что покинули, сказать, что мы возвращаемся, чтобы выдать этих двух людей.

Д.С.: Не взяли с собой папуасов.

Е.Л.-Г.: Мы не могли этого сделать. Это было бы большим нарушением всех соглашений. Тем более что у нас на корабле была строгая служба охраны советских людей. Мы вынуждены были причалить к берегу. Когда высаживали этих людей, несмотря на то что мы понимали, что так надо было поступить, нам было очень-очень грустно. Этому предшествовал еще один факт. У нас было желание познакомиться с жизнью местного населения. Мы встречались. Один из наших сотрудников поменялся майками с папуасом. Это был серьезный проступок, и нашего сотрудника после такого факта лишили визы. То есть строгость первых рейсов в отношении общения с населением была очень серьезная. Надо понять, что наше государство вызывало большой интерес и отличалось от всего, что было в это время в мире.

Встреча в Дакаре

Прошли годы. Обстановка меняется, отношение тоже. Мы узнаем друг друга лучше. И происходит интересная встреча в рейсе на корабле «Курчатов», когда мы зашли в Сенегал. Нашли мы город Дакар. Знали, что там могут быть встречи с американцами, у которых научно-исследовательские корабли были. Мы знали, чем они интересуются, они знали, чем мы. Естественно, что меня и группу моих сотрудников интересовали биологи. Мы сразу познакомимся с американцами-биологами, которые стояли на рейде в другом причале, рядом с нами, и нам предложили сделать путешествие по стране, то есть выехать за границы города Дакар.

Д.С.: Видимо, тогда уже не так строго было, да?

Е.Л.-Г.: Вот я и говорю, что к 1968* году отношения изменились настолько, что мы могли встретиться и беседовать. Эта встреча была интересна тем, что они занимались литоралью и повезли нас в те места, где они исследовали условия жизни морских животных, что нам тоже было интересно, потому что они знали лучше этот район, и мы могли от них узнать еще особенности именно этого района. Там мы составили хорошую коллекцию для литорали. Кроме того, мы обняли дерево баобаб — африканское величие огромное. Шестнадцать человек нас выстроились, чтобы своими руками обнять это огромное дерево. И очень хорошо провели время.

* Ошибка: экспедиция в Дакар была в совершена в 1966–1967 годах.

У баобаба. Дакар, 1967.

Когда мы вернулись, было уже поздно. Встретил нас наш директор и сказал: «Слушай, Елена, как ты могла уйти с корабля?!» Забыла сказать, что с нами был вместе Александр Пастернак.

Д.С.: Не Александр, Федя. Федор.

Е.Л.-Г.: Федор, сын Александра. Федор Пастернак. И мы с Федей — он как раз занимался литоралью — очень хорошо провели целый день с американцами. Возвращаясь, они довели нас до нашего корабля, до нашего трапа. Вышел директор и сказал: «Как ты могла бросить корабль?» Я говорю: «Михаил Сергеевич, вы же нас отпустили, я у вас спросила разрешения». — «Да?» Я говорю: «Да. Вот сейчас мы в затруднительном положении. У нас, конечно, буфет закрыт, у нас ведь очень строгая дисциплина. А они нас приглашают на ужин к себе на корабль. Можно мы к ним пойдём?». Сразу же американцы включились и говорят: «Можно мы пойдём на наш корабль поужинать?» Он говорит: «Это отлично, я пойду с вами».

Наш замечательный директор Монин, которого институт весь помнит, очень много сделал для института. Он выстроил прекрасный дом. Из Люблино, где мы были в домах неподходящих, оказались в настоящем институте. Это все заслуга была нашего директора Монина*. Он сказал: «И я тогда пойду». Когда мы пришли на корабль «Атлантис», мы, конечно, сразу поинтересовались, как он приспособлен для науки. Оказалось, что он делает шаг вперед быстрее, чем мы, когда исследует какой-то район, потому что у них продуманы условия на корабле. У них нет таких замечательных условий для жилья, как у нас на корабле. У них нет свободных площадей, потому что все занято оборудованием. У них на палубе огромная площадка с винтами, чтобы на эту площадку помещать контейнеры. Мало сказать «контейнер» — это целый домик с соответствующим оборудованием. Если у экспедиции есть план, где будут работать ученые-химики, значит, они этот домик оборудуют для своей работы. И там у них нужная им аппаратура, нужные им материалы. И уходя (кончается экспедиция), этот домик поднимают краном, снимают с палубы для следующей экспедиции, которая будет заниматься другими вопросами, которой нужны будут другие совершенно...

Д.С.: Приборы.

Е.Л.-Г.: Приборы.

* Андрей Сергеевич Монин (1921—2007) — доктор физико-математических наук, геофизик, океанолог, математик, специалист в области гидродинамики, директор Института океанологии АН СССР (1965—1987), профессор.

В то время как мы имели привычку все возить на наших огромных кораблях без конца, туда и обратно. Отсутствие благоразумного подхода к нуждам определенной цели нас преследовало. Оказывалось, что мы не взяли с собой картошку и вынуждены покупать батат — это картошка на необитаемых островах. Потому что во Владивостоке в это время не было картошки. Это мелочь, но, к сожалению, нас это сопровождало.

В центре Елена Лубны-Герцык, Федор Пастернак. Дакар, 1967.

Мы имели огромный корабль, но мы не использовали его так, как нужно, он был неудобен. У нас был очень высокий борт. У «Витязя» борт был полтора-два метра, то есть мы сетку видели, как она опускается. На «Курчатове» это уже шесть метров. Это нужно было по воздуху ее опустить, а потом уже в океан. Много было таких вещей, которые не были продуманы. Когда мы об этом говорили, Папанин сказал: «Знаете что, товарищи ученые, я нашел деньги, помог вам выстроить корабли. А уж оборудовать вы его должны сами». Он поставил нам балки одинаковых размеров на кормовой части и на носовой части, где работали разными приборами. Это было неудобно. Но об этом было невозможно думать, потому что на переоборудование этих кораблей очень много требовалось и внимания... Были хорошие инженеры, были люди, которые старались приспособить все, люди были, но нужно было еще такие трудности преодолевать. В результате эти корабли оказались не научно-исследовательскими, а просто были, я бы сказала, туристическими больше: с оборудованием хорошим кают, с кондиционерами, с прекрасной кухней, с прочими удобствами, но для науки этого не хватало. И вот в результате, наверное, корабли эти не соответствовали [требованиям] и были в 2010-м или 2009 году разрезаны на металлолом*. Конечно, об этом думают люди, и мы будем надеяться, что у нас появятся хорошие корабли. Заканчивая рассказ об общении с американцами в Дакаре и о том, как наш директор реагировал на то,

что мы вступаем в контакт, я, пожалуй, хочу спросить вас, что вы хотите меня спросить.

* Судно «Витязь» находится в Музее Мирового океана в Калининграде.

В Майами

Д.С.: Расскажите о том, как вас встречали с транспарантами, остро-политическими.

Е.Л.-Г.: Это было однажды, и, конечно, нам надо было иметь это в виду. Многого мы не знали об особенностях отношений между государствами. Скажу больше: нам казалось, что Куба и Фидель Кастро настолько стали коммунистической страной, что ожидать от них каких-то действий отрицательных — нам невозможно было это предположить. Видимо, настоящих сведений о положении на Кубе у нас не было. Мы подошли в порт Майами, это 1968 год*.

* Ошибка. Экспедиция в заходом в Майами была в 1972-м или в 1973 году.

Д.С.: Это вторжение в Чехословакию?

Е.Л.-Г.: Хорошо, что вы мне напомнили. Да. Мы почувствовали, что были не подготовлены к такой встрече. Нас пригласил в Америку прекрасный ученый, простите, забыла его фамилию, это известный очень был человек. Он приглашал нас, он нас встречал, он бывал в Союзе, все было хорошо, и мы шли, так сказать, с хорошим настроением. Когда наш корабль причалил, мы заметили, что к нам подъезжают представители науки на машинах через какой-то очень узкий проезд, сбоку. А основная дорога была...

Д.С.: Перекрыта.

Майами, 1973. Надписи на плакатах: «Справедливость еврейским гражданам в рабском Советском союзе» и «Освободите от рабства еврейский народ».

Е.Л.-Г.: ...перекрыта, стояли какие-то сети. Но главное — стояли люди, целая цепочка людей, и они держали плакаты. Плакаты я не запомнила, но они были против коммунизма, очень резкие. Нам объяснили, что это

те кубинцы, которые из Гаваны убежали, не хотели оставаться в новой стране коммунистической, и переехали в Америку. Где их приняли соответствующие люди, соответствующие слои... и все такое. И у них там была достаточно большая группа людей, которые проявили отрицательный к нам подход. Целые сутки мы не могли выехать. Приезжали к нам ученые на корабль, американцы. Помню одну милую очень даму, с которой мы потом продолжали дружбу и встречались в городе. Она была планктонолог, очень хорошие отношения были, молодежь, студенты... Они к нам приезжали, мы даже сумели устроить хороший обед. Но нам было уже непонятно, попадем ли мы в город. И тогда было предложено вывезти нас на полицейских машинах, чтобы не было провокаций. Нам подали большие черные машины, и мы поехали. Потом надо было мост преодолеть. И помню, что по краю моста стояли кубинцы и бросали в нас камнями. Очень хорошо это помню. Потому что они уже поняли, что...

Д.С.: Кого везут.

Е.Л.-Г.: ...это нас вывозят... Полиция американская работает четко, конечно, всех их убрали. Мы благополучно въехали в город, а в городе уже кубинцы не хозяева. Там их тоже контролируют, и мы смогли проехать в университет, выступал там наш начальник экспедиции с докладом. Были прения, был соответствующий разговор. Уезжая из Майами, мы вынесли только очень хорошие впечатления о наших отношениях с американцами, с американскими учеными точнее. И к нам тоже приезжала, в каком году, я сейчас забыла, делегация американцев, некоторые как раз помнили нашу встречу в Майами. Мы здесь их тоже очень хорошо встретили и очень хорошо с ними общались. Было такое время. Слава богу, что наука...

Д.С.: Интернациональна?

Е.Л.-Г.: ...хочет быть международной. Иначе нам не справиться со всеми теми проблемами, которые у нас есть.

Американские водолазы приехали проверить днище судна «Академик Курчатов». Майами, 1973.

О конфликтах во время экспедиций

Д.С.: А взаимоотношения в экспедициях? Ведь сложно все-таки: большой коллектив и много людей... Сколько экспедиции длились — по нескольку месяцев, да?

Е.Л.-Г.: У нас экспедиции всегда были рассчитаны, потому что нужно было думать о пресной воде, о питании. Холодильники были, но их надо пополнять. И главное — это топливо. Ведь не везде можно себя обеспечить топливом. Это были основные моменты, к которым наука должна была приспосабливаться в своих плаваниях.

Временной момент. У нас считалось, что в море мы можем находиться сорок три дня, почему-то я запомнила такую цифру: сорок три дня. Это уже много. Иногда заправлялись. Покупали, я помню, кур, покупали овощи, бананы — фрукты. То, что для нас было диковиной тогда. Это было хорошее подспорье. А уж топливо — я про эту проблему ничего не скажу, просто не знаю.

Д.С.: А взаимоотношения на корабле?

Е.Л.-Г.: Взаимоотношения, как бывает в большом коллективе, они разные, но наука чувства влечет друг к другу. Несмотря на то что у нас бывали конфликты... Например, у меня случались конфликты с гидрологами, потому что у них были приборы, батометры — это длинная такая трубка, и в ней счетчики стоят, она опускается на соответствующую глубину. А у меня сетка полтора метра в диаметре и мешок огромный, и я опускаю его. Гидрологи с левого борта — с носа, я с левого борта — с кормы. Как там течение — мы не всегда знаем. И у нас не один раз было так, что троса наши сплетались. И тут начиналось... Кто виноват? Никто не виноват. Мы виноваты оттого, что не знали течения, не представляли себе... Тросы замечательные, активные сильные ребята — распутывали.

Часто обрезали, жертвовали каким-нибудь прибором — чей трос оказывался более виноватым, скажем так. Это не отношения между людьми, это отношение было к работе.

Д.С.: Скажите, а приборами вы были достаточно снабжены, насколько были хорошие приборы?

Е.Л.-Г.: Лебедки были стандартные, мы их получали из Красноярска. Был один инженер, который часто

с нами плавал, усовершенствовал эти лебедки, чтобы новая партия была более удобная, более приспособленная. Это было хорошо. Я помню, у нас лебедка сначала была слабая, потом ее заменили на другую... Ну троса. Это целая история, но нужно ли говорить о таких подробностях? Оказывается, настоящий трос, он должен быть плетеным, он не должен состоять из отдельных жил. Он должен быть скрученным, а потом еще обмотан, а если он рвется и превращается в веничек, это не трос для работы в океане. А у нас, к сожалению, поступали бракованные, как мы называли, троса. Иногда потеря приборов случалась из-за того, что лопался трос. Вот такие факты. Но я не знаю, насколько это интересно. Это же все детали.

Д.С.: Это как раз быт, быт ваших экспедиций.

Е.Л.-Г.: Но это не отношения между людьми.

Д.С.: Конечно.

Е.Л.-Г.: Это отношение к делу. И это касалось всех одинаково. Кому-то было неудобно в лабораториях. Вытяжные шкафы были очень слабые, а нужно было проводить химические опыты. И все это одновременно. Вот здесь трудности, наоборот, людей сплачивали, и мы поддерживали друг друга в просьбах каких-то дополнительных... А по части личных отношений даже не помню, что были какие-то конфликты, честно говоря, не помню.

Д.С.: А какая из поездок, из экспедиций больше всего вас поразила и запомнилась? Или они все вам дороги?

Е.Л.-Г.: Знаете, я вспоминаю все экспедиции с огромным интересом. В одной экспедиции был у меня конфликт. К сожалению, это положение было тоже достаточно известно всем, что надо это иметь в виду. Что у нас на корабле, конечно, была служба, как это называется, специальная служба...

Д.С.: Насколько численно она большая?

Е.Л.-Г.: Сотрудников считалось девяносто человек, включая лаборантов.

Д.С.: А специальная служба сколько человек?

Е.Л.-Г.: Этого мы не знали. Но был такой случай... У всех были свои дела, своя работа, так же, как у капитана, у команды, — у всех, поэтому мы не связывались с этим. Если нам что-то нужно, мы обращались к капитану или старпому, а так у нас была своя жизнь — наука. А случай такой произошел. В Сан-Франциско мне подложили письмо, которого я не брала, а считалось, что я его взяла, и это было запрещено. Все предлагалось по почте передавать. Я так и сделала, сказала: «Я никаких передач в Москву... Письмо вашим родственникам — ни в коем случае. У вас есть почта. Пожалуйста, пользуетесь. Нам это запрещено, нам не разрешают это делать. Тем более у нас впереди еще месяц плавания, а вы можете опустить письмо сегодня». То есть было совершенно ясно и понятно. Но люди разные, хотели что-то сделать, причинили мне вред: сунули письмо... Меня вызвали там и сказали: «Вы взяли письмо». Я говорю: «Нет, я не брала». Кому-то хотелось поиметь какие-то дела, ведь кто-то должен работать и какие-то получать результаты, факты отрицательные — это же понятно. На то и существует эта служба. И когда так произошло, я, недолго думая, пошла к Ивану Ивановичу.

Д.С.: Иван Иванович — это кто?

Е.Л.-Г.: С нами плавал человек. Звали его Иван Иванович. У него на каюте была табличка «Бухгалтер Иван Иванович». Я постучала, вошла. В лицо я его знала, но не встречалась с ним. Села и сказала: «Я должна с вами поговорить». Он говорит: «Я вас слушаю, Елена Александровна». То есть он нас знал очень хорошо, а мы его почти не знали. Я говорю: вот, у меня конфликт со старпомом, который за нами наблюдает, дает нам сопровождающих, мы ходим тройками. Мы не можем пойти поодиночке. У нас так было не принято, всегда была тройка. Мы знали, что желательно, чтобы к ученым был еще и матрос. Но это другая специфика, другие правила. Я этого не касаюсь. Я только касаюсь того, что была возможная несправедливость, от которой я могла серьезно пострадать. Я ему выложила все. И он, наклонившись,

сказал: «Елена Александровна, я вам обещаю, что вы в донесение не попадете, но скажите мне, почему вы ко мне пришли?». Я сделала большие глаза и сказала: «Как, Иван Иванович, вы думаете, что мы не знаем, какая у вас миссия, чем вы заняты?». Это его несколько удивило, потому что это закрытая служба.

Д.С.: Не ожидал вашей осведомленности, да?

Е.Л.-Г.: Я хочу сказать, что люди остаются людьми. Умные люди и порядочные люди есть во всех сферах. И всегда были и будут. Так что можно только пожелать, чтобы таких людей было больше во всех сферах нашей жизни.

Фотографии из личного архива Е.А. Лубны-Герцык.